

Витааий Бианки

Лесные домишки

••русич••

Виталий Бианки
**Лесные
домишки**

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2005

Библиотека
ГОУ СО школа №421
Санкт-Петербург
Инв. № 01477

УДК 820/89-93
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Б 59

Для младшего школьного возраста
Художник Б. Проказов

Бианки В. В.
Б 59 Лесные домишки. Сказки. – Смоленск: Русич, 2005. –
64 с.: ил. – (Колобок)

ISBN 5-8138-0672-5

УДК 820/89-93
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 5-8138-0672-5

© В. В. Бианки, наследники, 2005
© «Русич», 2005

ЗАЯЦ, КОСАЧ, МЕДВЕДЬ И ДЕД МОРОЗ

Злой голой осенью вот уж плохо стало жить лесному зверю! Плачет Заяц в кустах:

– Холодно мне, Заиньке, страшно мне, беленькому! Все кусты облетели, вся трава полегла, – негде мне от злых глаз спрятаться. Надел шубку беленькую, а земля черным-черная, – всяк меня видит издали, всяк меня гонит-ловит. Пропала моя головушка!

Косач-Тетерев с берёзы бормочет:

– Боюсь понизу бродить, боюсь ягоду клевать! На верховище сижу, кругом гляжу, одни серёжки клюю. Ветром меня на ветках качает, дождём меня мочит, – сидеть нет мочи!

Медведь ворчит:

– Вовсе в лесу есть нечего стало, – хоть к людям иди, коров дави; давно бы спать завалился, да земля голая, берлога кругом видна, – сейчас охотники найдут, сонного убьют.

Сговорились Заяц, Косач и Медведь, – послали Синицу за Дедом Морозом:

– Приходи к нам, Дед Мороз, принеси нам, Дед Мороз, снега, принеси нам, Дед Мороз, зиму!

Дед Мороз побряхтел, пришёл – мешок снега на лес высыпал. Стало кругом бело да ровно.

Медведь сказал:

– Вот и ладно. Спасибо тебе, Дед Мороз!

Залез под кучу валежника. Кучу снегом запорошило – и не видать, что там берлога.

Заяц сказал с оговорочкой:

– Спасибо тебе, Дедушка Мороз! Теперь не видно меня беленького. Хороша твоя пороша, да вот тёплая, печатная: снег-то мягкий, пушной. Следишки мои на нём видны. Где ни ляжешь отдохнуть, – сейчас кто-нибудь найдёт.

А Косач – тот даже спасибо не сказал.

– Какая это, – бормочет, – зима, когда снегу – курице по колено, когда не прикрыл снег и лежачего полена! Зима наспех – курам на смех. Ни снегу, ни мороза. Что ж мне так всю зиму и болтаться на берёзе?

Пожалел его Дед Мороз, – давай снег на лес большими мешками валить да примораживать, чтобы крупичатый был.

Косач сказал:

– Вот это дело! – да бух с берёзы в снег. Там и ночевал: в норке-то тепло и не видно.

Заяц сказал:

– Дедка Мороз, а со мной-то ты что делаешь! Легко ли мне по эдакому снегу бегать! Глубоко. Ведь по уши в него проваливаюсь! А тропой пойдёшь, – тут тебе и Лиса встречь,

тут тебе и капканы наставлены. Ты меня, Заиньку, пожалей: сделай, чтобы сверху снег был корочкой.

А Медведь – тот ничего не сказал: спал.

Пожалел Дед Мороз Зайца. Стал днём снег растоплять, – побежали под валежник струечки. А ночью сырой-то снег сверху давай мостить-примораживать. Сделал наст – крепкую ледяную корку.

Заяц сказал:

– Вот тебе спасибо-то, Дедушка Мороз! Теперь все ладно. По насту бегу, не проваливаюсь. Даже и следышек моих на нём не видать.

Косач сказал:

– Да ты что, Дед! Я с вечера в мокрый-то снег бухнусь, поглубже закопаюсь, – ан утром хоть голову себе разбей: ледяная крыша над головой!

А Медведь как выскочит из берлоги, как рявкнет:

– Эй ты, старик! Что снег топишь, струйки пускаешь! Все штаны мне подмочил!

Шарахнулся от него Дед Мороз.

– А ну вас! – говорит. – Привереды! Кому чего, – на всех не угодишь. Я лучше восвояси уберусь.

И ушёл.

Ну, сказать, – лесное зверьё не больно долго о нём плакало: взамен ему Синица живо Весну привела. А Весна – сами знаете – всем красна. И нам, и всему лесному зверью любя.

Всех утешила и всех развеселила.

А как она это сделала, – о том другой сказ.

ЗАЯЦ, КОСАЧ, МЕДВЕДЬ И ВЕСНА

Прилетела красавица Весна на лебединых крыльях, – и вот стало шумно в лесу! Снег рушится, бегут-журчат ручьи, льдинки в них позванивают, в ветвях ветер насвистывает. И птицы – птицы щебечут, поют-заливают, ни днем ни ночью покоя не знают!

А Дед Мороз недалеко ушёл, – он всё слышит.

«То ли дело, – думает, – при мне было. Тишина в лесу, только деревья покряхтывают. Поди, всем надоел весенний-то гам. Будут рады теперь, коли вернусь».

Пробрался ночью в лес, схоронился под тёмной елью. Вот зорька занялась.

И слышит Дед Мороз: бежит по лесу Заяц, притоптывает, в голос кричит.

«Плохо пришлось Заиньке, – думает Дед Мороз. – Снег-то, почитай, весь сошёл, земля серая, а он беленький, – всяк его видит-ловит. Совсем ополоумел косой со страху».

Глядь – выскочил Заяц на тропочку. Только он уж не белый: серый Заяц.

За ним товарищи – такие же серые зайцы. Кричат, при-
топтывают, один через другого скачут.

Дед Мороз и рукава развёл:

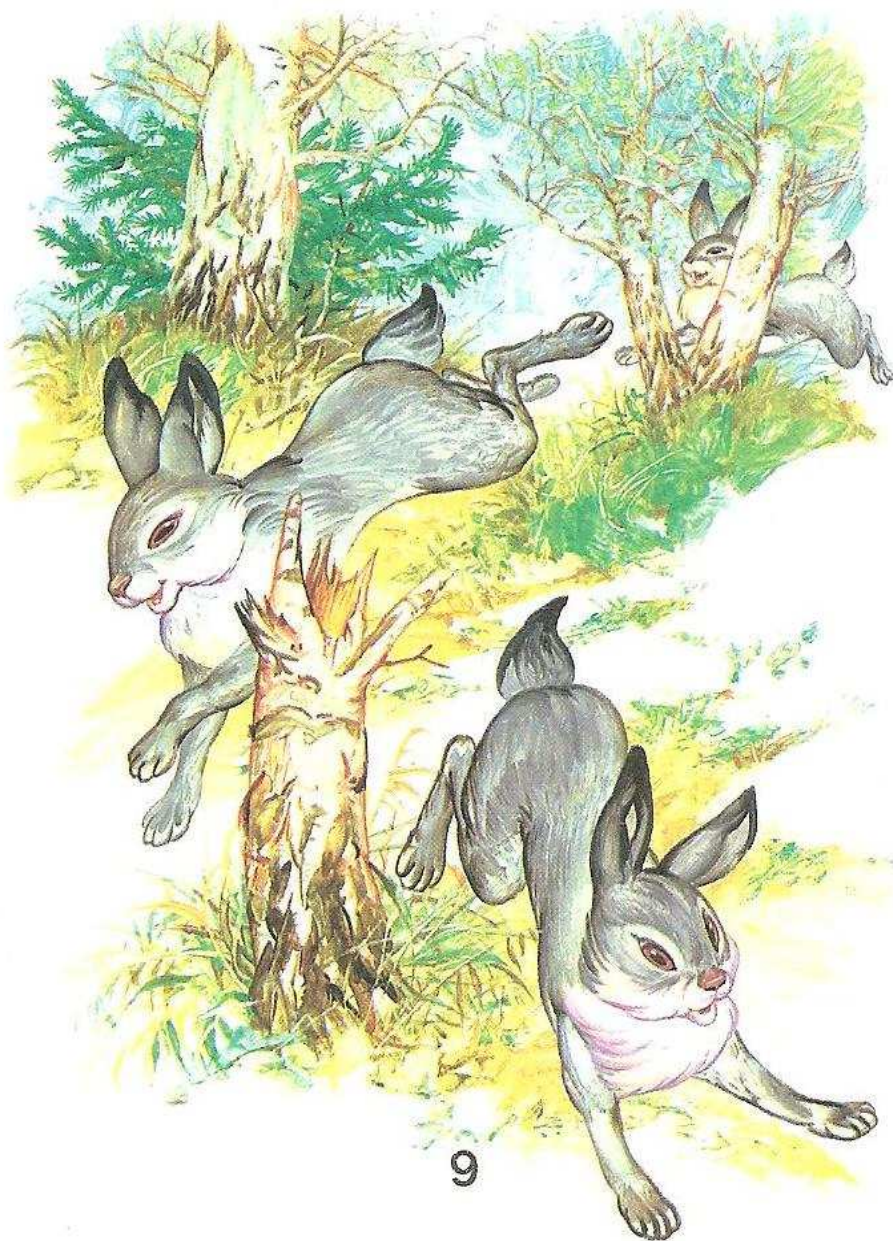
– Что такое Весна делает! Заяц товарищей со всего леса созвал. Верещит. Чехарду затеял – совсем страх потерял!

Проскакали мимо весёлые зайцы.

Зорька ярче.

И видит Дед Мороз: сидит на лугу у опушки Косач-Тетерев, чёрный как уголь.

«Вот кому беда пришла, – думает Дед Мороз. – Ведь он у меня под снегом ночевал. Теперь снегу нет, а лес ещё го-

лый стоит. Негде Косачу спрятаться, покой найти – ни на земле, ни на дереве».

А Косач и не думает прятаться: к нему тетёрочки на опушку слетаются, а он-то перед ними красуется, звонким голосом бормочет:

– Чуф-ши! Чуф-ши! Красны брови хороши! Хвост-косицы подниму, круты крылья разверну!

К нему товарищи на луг слетаются. А он их задирает:

– Чуф-шу! Чуф-шу! Выходите на левшу! Я вам перья причешу!

Подпрыгнул, сшиблись, – только пух летит!

«Что Весна делает-то! – Мороз думает. – Мирная птица в драчку полезла. О покое и забыла».

Разгорелся день, – улетели тетерева с луга.

Идёт по лесу Медведь. Тощий.

«Каково-то тебе, косилапый? – думает Дед Мороз. – Небось плачешь по берлоге своей? Спал бы да спал в ней – и голода бы не знал».

А Медведь остановился, когтями из земли какие-то ко-

решки выкопал, — жуёт, похрюкивает от удовольствия: видать, сладкие на вкус корешки-то.

Дед Мороз пятернёй под шапку полез:

— Что ты скажешь, — и этот Весне рад! Никто по мне не тужит... Пойти спросить у неё, чем она всех с ума свела?

Вылез из-под ели, пошёл по лесу Весну разыскивать.

А красавица Весна сама ему навстречу идёт, вся в цветах разноцветных, вся в солнечном золоте. Говорит ему свирельным голосом:

— Что, старый? На пляски да песни наши пришёл поглядеть? Или напугать кого задумал?

— Напугаешь их!.. — кряхтит Дед Мороз. — Заяц — и тот нынче страх потерял. И что ты сделала им такое, что все тебя славят, все с ума посходили?

Улыбнулась красавица Весна:

— А ты сам их спроси, чему они радуются.

Заиграла песню и с песней полетела над лесом, над лесом в зелёной дымке.

Отыскал Дед Мороз Зайца:

– Ты чему рад?

– Весне, Дедушка. Рад теплу, солнцу рад, травке шёлковой. Ведь всю зиму зелёного росточка не видел, все осинки ободрал, горьку кору глодал. А травка-то сладенька.

Отыскал Дед Мороз Косача:

– Ты чему рад?

– Рад я крылья поразмять, удаль-силу показать. Чуф-ши! Чуф-ши! Красны брови горячи, круты крылья хороши.

Отыскал Дед Мороз Медведя:

– А ты чему рад?

Медведь застыдился, лапой закрылся, шепчет:

– Цветочкам я, Дедушка, рад...

– Ох-ох, насмешил, ох, распотешил! Красным девушкам впору цветам радоваться, не тебе, косолапому. Веночки из них, что ли, плести будешь? Я тебе – хочешь? – мешок цветов накидаю, всю землю ими покрою. Все беленькие – один к одному.

И ну трясти рукавом. А из рукава у него снежинки, снежинки, снежинки, – и закрутилась метелица хлопьями.

Медведь говорит:

– Нет, старик! Твои цветы мёртвые. Не пахнут они и глаз не радуют. А у Весны-красавицы каждый малый цветочек – радость светлая, каждый счастье сулит. Ты придёшь – зиму лютую с собой приведёшь. А Весна идёт – красно лето за собой ведёт. Каждый малый цветочек её мёд в себе копит, каждый летом ягоду нам обещает.

Помолчал Медведь и опять лапой закрылся.

– А мы, – шепчет, – медведи-то, ба-альшие сладёны! Я зимой в берлоге сплю, снег да лёд надо мной, а сны мне всё про сладкое снятся: про мёд да про ягоды.

– Ну, – сказал Дед Мороз, – коли уж ты, лохматый, о сладком мечтаешь, так мне и впрямь у вас делать нечего.

Рассердился и ушёл так далеко, что скоро Заяц, Косач да Медведь и совсем о нём забыли.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, – думает, – на охоту за дикими зверями и птицами».

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» – думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» – думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» – думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула не него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колыхет. Камыш качается

взад-вперёд,

взад-вперёд.

У Щенка перед глазами жёлтые и коричневые полосы качаются

взад-вперёд,

взад-вперёд.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась – тонкая-тонкая, и вся в жёлтые и коричневые полосы раскрашена.

Стоит, качается

взад-вперёд,

взад-вперёд.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел – не видит Выпи в камыше.

«Ну, – думает, – обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю».

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, – то развернёт, то сложит.

«Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» – думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пёстрый лоскут и торчит из него кривая игла.

Удивился щенок: «Куда же Удод девался? Неужели я эту пёструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю».

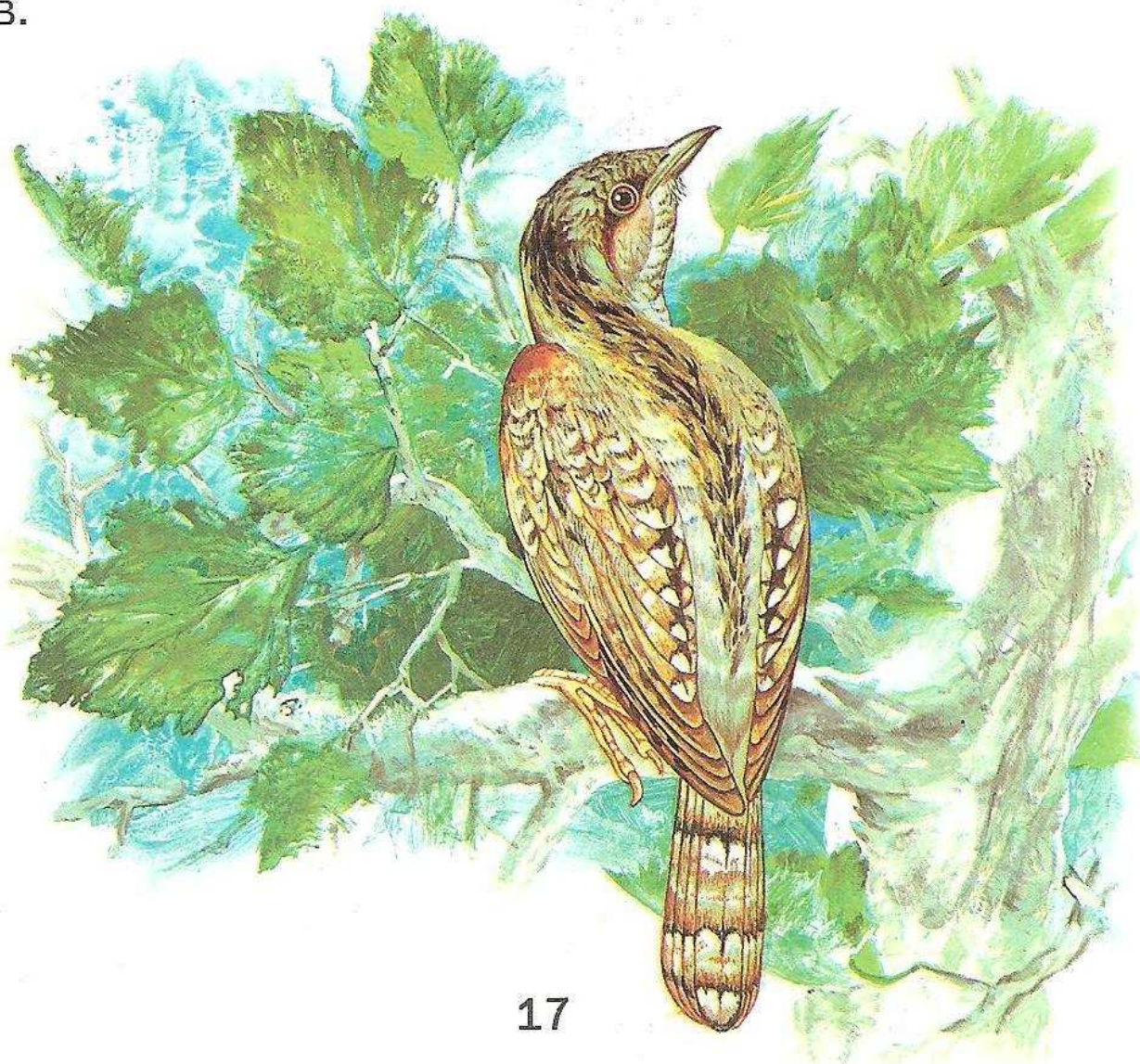
Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

«Ага! – думает Щенок. – Попалась!»

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в чёрном дупле чёрная змея извивается и страшно шипит. Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял – и наутёк.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у неё змейкой извивается полоска чёрных перьев.

«Уф! напугала как! Еле ноги унёс. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихонько к ней подкрался Щенок, – прыг! – и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама – под камень!

Хвост в зубах у Щенка извивается.

Фыркнул Щенок, бросил хвост – и за ней. Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отращивает.

«Ну, – думает Щенок, – уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю».

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, по воздуху бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг – стало кругом, как на загадочной картинке, все тут, а никого не видно – спрятались все.

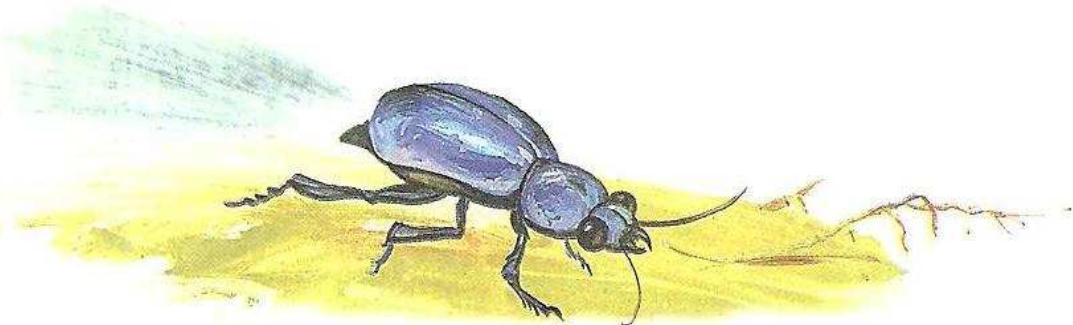
Зелёные кузнечики в зелёной траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли, – их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили, – не разберешь, где кора, где листья, где бабочки.

Один крошечный Жук-Бомбардир идёт себе по земле, никуда не прячется.

Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился, да как пальнет в него летучей едкой струйкой – прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся – да через луг, да в подворотню.

Забился в конуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые – все опять за свои дела принялись.

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак её догнать нельзя было – от всех увёртывается.

Погонится за ней пятнашка, а она – туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится, да как пустится лететь – только крылышки мелькают!

Вдруг, откуда ни возьмись, Чеглок-Сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все – врассыпную, кто куда, – мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку,
да над лесом, да через озеро!

Очень уж страшной пятнашкой был Чеглок-Сокол.

Летела, летела Береговушка – из сил выбилась.

Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз, – внизу река течёт. Только не своя – чужая какая-то. Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха? А уж вечер был; ночь скоро. Как тут быть? Жутко стало маленькой Береговушке. Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо неё по песку маленькая жёлтая птичка с чёрным галстучком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у жёлтой птички:

– Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

– А ты чья? – спрашивает жёлтая птичка.

– Не знаю, – отвечает Береговушка.

– Трудно же будет тебе свой дом разыскать! – говорит жёлтая птичка. – Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зуёк. А дом у меня вот тут – рядом.

Зуёк пробежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

– Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка: кругом песок да галька, а дома никакого нет.

— Неужели не видишь? — удивился Зуёк. — Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке среди гальки.

— Ну, что же ты? — спрашивает Зуёк. — Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, ещё хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

— Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилки.

— Жаль, что не привыкла! — говорит Зуёк. — Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

– Вот спасибо! – обрадовалась Береговушка.
И полетела в еловый лесок.

Там она скоро отыскала лесного голубя Витютня и попросилась к нему ночевать.

– Ночуй, если тебе моя хата нравится, – говорит Витю-
тень.

А какая у Витютня хата? Один пол, да и тот, как решето,
весь в дырках. Просто прутьи на ветви накинаны как по-
пало. На прутьях белые голубиные яйца лежат. Снизу их
видно: просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

– У вашего дома, – говорит она Витютню, – один пол,
даже стен нет. Как же в нём спать?

– Что же, – говорит Витютень, – если тебе нужен дом со стенами, лети, разыщи Иволгу. У неё тебе понравится.

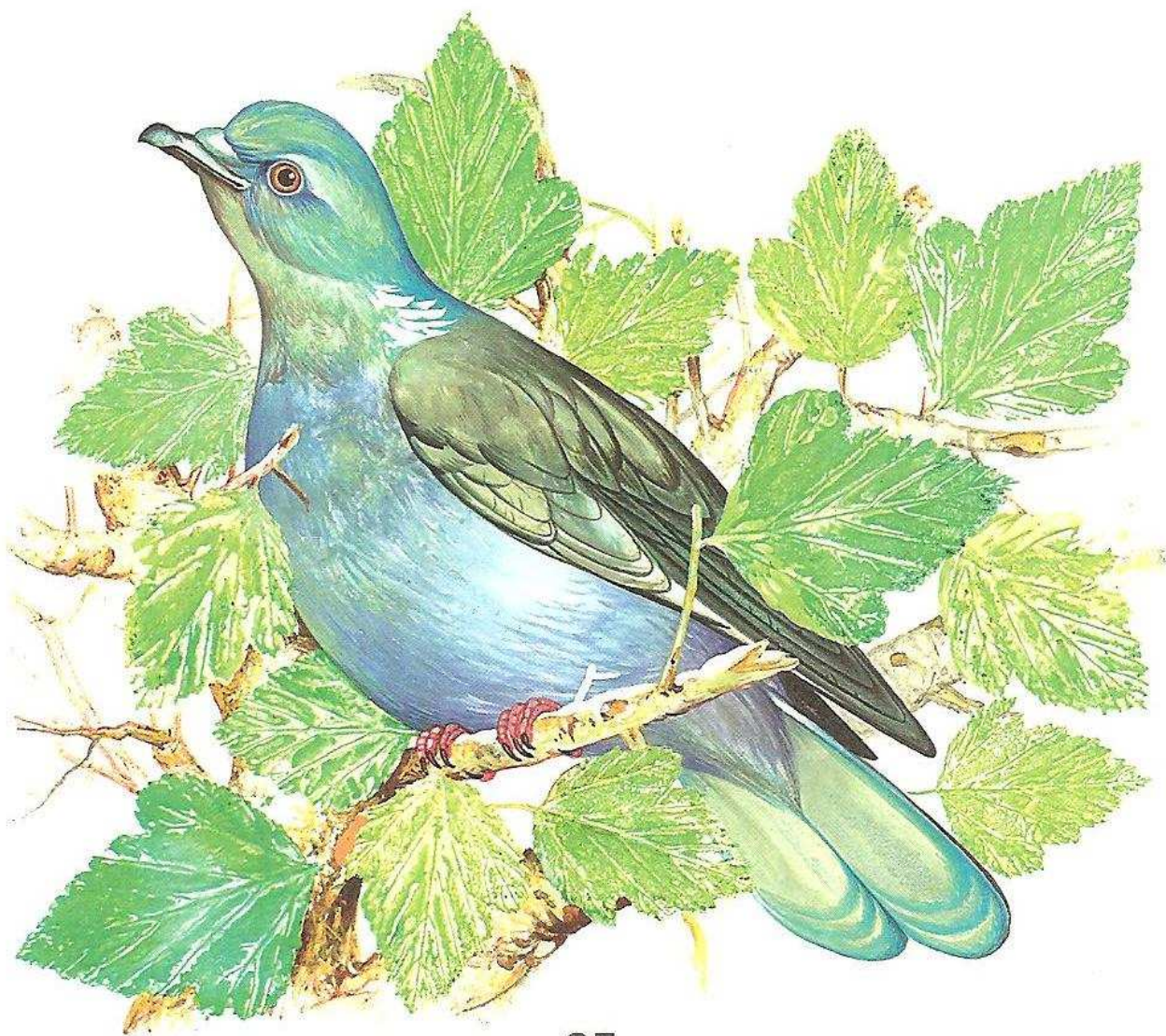
И Витютень сказал Береговушке адрес Иволги: в роще, на самой красивой берёзе.

Полетела Береговушка в рощу.

А в роще берёзы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот, наконец, увидела: висит на берёзовой ветке крошечный лёгкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький, – подумала Береговушка. – Даже мне в нём не поместиться».

Только она хотела постучаться, – вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали, – сейчас ужалят!
Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.
Мчится среди зелёной листвы.

Вот что-то золотое и чёрное беснуло у неё перед глазами.
Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица
с чёрными крыльями.

– Куда ты спешишь, маленькая? – кричит золотая птица Береговушке.

– Иволгин дом ищу, – отвечает Береговушка.

– Иволга – это я, – говорит золотая птица. – А дом мой
вот здесь, на этой красивой берёзе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга
ей показывает. Сперва она ничего различить не могла: всё
только зелёные листья да белые берёзовые ветви. А когда
всмотрелась – так и ахнула.

Высоко над землёй к ветке подвешена лёгкая плетё-
ная корзиночка.

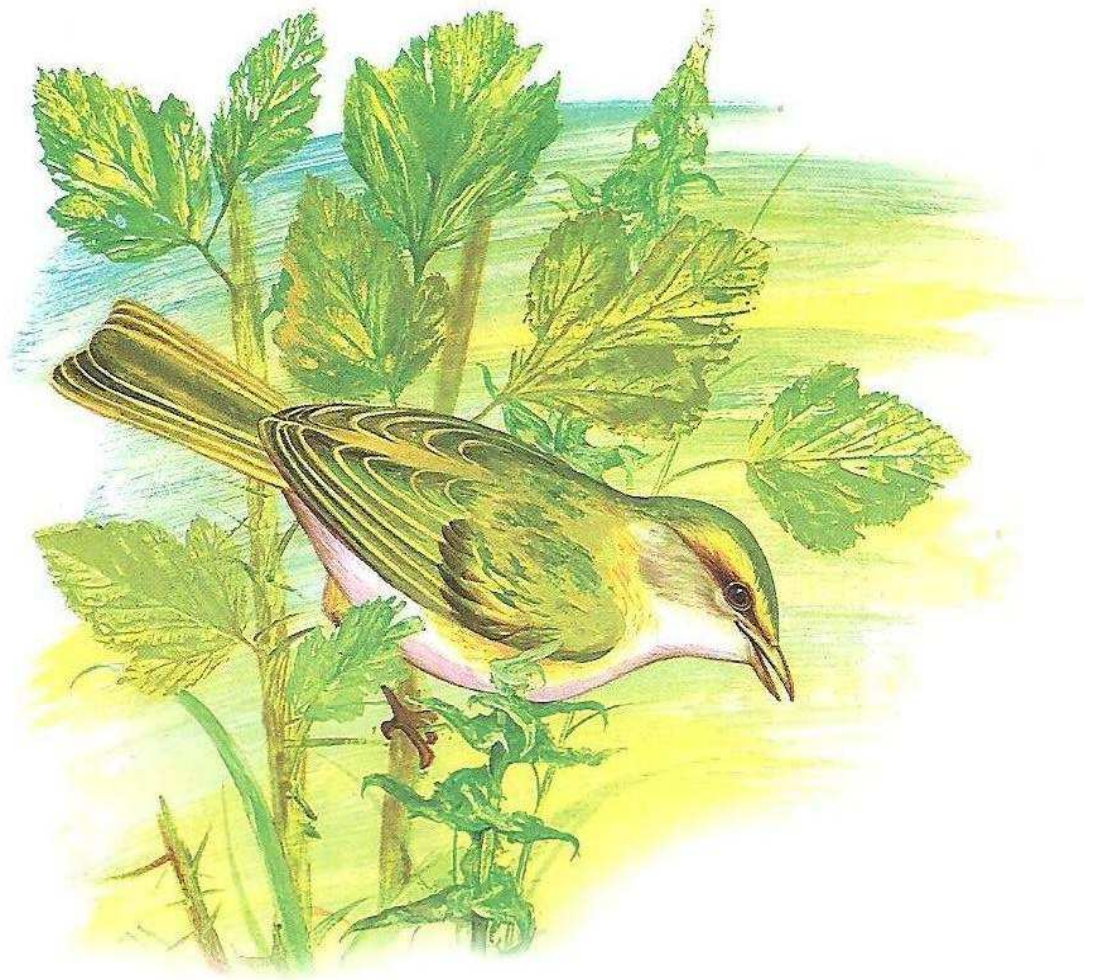
И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затежливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой берёзовой кожурки.

– Ух! – говорит Береговушка Иволге. – Ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня всё перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, её ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

– Ступай к Пеночке! – обиженно говорит ей золотая Иволга. – Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у неё в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Жёлтая маленькая Пеночка жила в траве как раз под той самой берёзой, где висела Иволгина воздушная колыбелька.

Береговушке очень понравился её шалашик из сухой травы и мха. «Вот славно-то! – радовалась она. – Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких пёрышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала её укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

Береговушка встрепелулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

– Это кони в рощу скачут.

– А выдержит ваша крыша, – спрашивает Береговушка, – если конь на неё копытом ступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

– Ох, как страшно тут! – сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. – Тут я всю ночь глаз не сомкну:

всё буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

— Так, верно, у тебя такой дом, как у Чёмги, — догадалась Пеночка. — У неё дом не на дереве — ветер его не сдует, да и не на земле — никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

— Хочу! — говорит Береговушка.

Полетели они к Чёмге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавающий. Плывёт по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи – ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чёмгины яйца, прикрытые лёгкими сухими тростиночками.

А сама Чёмга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своём судёнышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чёмге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

– А ты не боишься спать на волнах? – спрашивает её Чёмга.

– А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

– Мой дом – не пароход, – говорит Чёмга. – Куда ветер гонит его, туда он и плывёт. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

– Боюсь... – прошептала Береговушка. – Домой хочу, к маме...

Чёмга рассердилась.

– Вот, – говорит, – какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чёмга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет.

А уж ночь наступает; солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку, выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит тёплый, мягкий.

«Вот хороший дом, – думает она, – прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

– Пустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дому вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с жёлтыми зубами, да как зарычит страшилище:

– С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просятся к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом – да стремглав, без оглядки, наутёк!

Летела, летела – из сил выбилась. Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место знакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Своя река, родная!

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда – вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве – дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки. В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут давно ждала её мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой тёплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый.

Прилетел Дятел пёстрый, шапка красная, нос вострый.

По стволу скок-поскок, носом стук-постук – выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил – выдолбил глубокое дупло. Лето в нём пожил, детей вывел – и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло Скворец. Прилетел. Видит: дуб, в дубу дырка.

Чем Скворцу не теремок?

Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал Скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живёт, другой живёт – сохнет старый дуб, крошится, – больше дупло, шире дыра.

На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит: дуб, в дубу – дырка с кошачью голову.

Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый, нос вострый, теперь я живу – Скворец, первый в роще певец. А ты кто?

– Я – Сыч. Попадёшься мне в когти – не хнычь. Ночью прилечу – цоп! – и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался Скворец Сыча, улетел.

Ничего не натащил Сыч, стал так в дупле жить: на своих пёрышках.

Год живёт, другой живёт, – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Белка. Прискакала. Видит: дуб, в дубу – дырка с собачью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый, нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, теперь я живу – Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. А ты кто?

– Я Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, остры, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался Сыч белки, улетел.

Натаскала Белка моху, стала в дупле жить.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Куница. Прибежала, видит: дуб, в дубу – дыра с человечесью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый, нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь к нему в когти – не хнычь, теперь я живу – Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

– Я – Куница – лесная хищница. Страшней Хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела.

Испугалась Белка Куницы, ускакала.

Ничего не натаסקала Куница, стала так в дупле жить: на своей шёрстке.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчёлы. Прилетели. Видят: дуб, а дубу – дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый, нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь к нему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка, теперь я живу – Куница – лесная хищница. А вы кто?

– Мы пчелиный рой – друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Куница пчёл, убежала.

Натаסקали пчёлы воску, стали в дупле жить. Год живут, другой живут – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло Медведь. Пришёл. Видит: дуб, в дубу – дырища в целое окнище. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый, нос вострый, жил Скворец – пер-

вый в роще певец, жил Сыч – попадёшь к нему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка, жила Куница – лесная хищница, теперь мы живём – пчелиный рой – друг за дружку горой. А ты кто?

– А я Медведь, Мишка, вашему терему крышка!
Влез на дуб, просунул голову в дупло, да как нажмёт!
Дуб-то пополам и расселся, а из него – считай-ка, сколько лет копилось:
шерсти,

да сена,

да воску,

да моху,

да пуху,

да перьев,

да пыли,

да пх-х-х!...

Теремка-то и не стало.

ЧЬИ ЭТО НОГИ?

Летал Жаворонок высоко над землёй, под самыми облаками. Поглядит вниз – сверху ему далеко видно, – и поёт:

Я ношусь под облаками,
Над полями и лугами,
Вижу всех, кто подо мной,
Всех под солнцем и луной.

Устал петь, спустился и сел на кочку отдыхать.
Вылезла из-под дерева Медянка и говорит ему:
– Сверху ты всё видишь, – это правда. А вот снизу никого не узнаешь.

– Как это может быть? – удивился Жаворонок. – непременно узнаю.

– А вот иди, ложись со мной рядом. Я тебе буду снизу всех показывать, а ты отгадывай, кто идёт.

– Ишь какая! – говорит Жаворонок. – Я к тебе пойду, а ты меня ужашишь. Я змей боюсь.

– Вот и видно, что ты ничего не знаешь, – сказала Медянка. – Первое – я не змея, а просто ящерица; а второе – змеи не жалят, а кусают. Змей-то и я боюсь: зубы у них такие длинные, и в зубах – яд. А у меня, гляди-ка: малюсенькие зубки. Я ими не то что от змеи, от тебя и то не отоьюсь.

– А где у тебя ноги, если ты ящерица?

– Да зачем мне ноги, если я по земле ползаю не хуже змеи?

– Ну, если вправду ты – безногая ящерица, – сказал Жаворонок, – так мне тебя бояться нечего.

Соскочил с кочки, лапки под себя поджал и лег рядом с Медянкой.

Вот лежат они рядышком, Медянка и спрашивает:

– Ну-ка ты, верхогляд, узнавай, кто идёт и зачем он сюда пожаловал?

Взглянул Жаворонок перед собой и обмер: идут по земле высоченные ноги, через большие кочки, как через малые комочки земли, шагают, пальцами в землю след вдавливают.

Перешагнули ноги через Жаворонка и пропали: не видеть больше.

Медянка на Жаворонка посмотрела и улыбнулась во весь рот.

Облизнула сухие губы тонким язычком и говорит:

– Ну, друг, видно не разгадал ты моей загадки. Кабы ты знал, кто через нас шагнул, так не испугался бы. Я вот лежу и смекаю: две ноги высоких, пальцев на каждой счётом три больших, один маленький. И знаю уж: птица идёт большая, высокая, по земле гулять любит – хороши ходули для ходьбы. Так оно и есть: Журавль это прошёл.

Тут Жаворонок встрепенулся весь от радости: Журавль ему знакомый был. Спокойная птица, добрая, – не обидит.

– Лежи, не пляши! – зашипела на него Медянка. – Гляди: опять ноги идут.

И верно: ковыляют по земле голые ноги, неизвестно чьи.

Пальцы словно лоскутами клеенки обшиты.

– Отгадывай! – говорит Медянка.

Жаворонок думал-думал, – никак не может припомнить, чтобы прежде такие ноги видел.

– Эх ты! – засмеялась Медянка. – Да ведь это совсем просто отгадать. Видишь: пальцы широкие, ноги плоские, по земле идут – спотыкаются. Вот в воде с ними удобно: повернёшь ногу боком – она воду как ножом режет: растопыришь пальцы – и весло готово. Это Чёмга-нырец – водяная такая птица – из озера вылезла.

Вдруг упал с дерева чёрный комок шерсти, приподнялся с земли и пополз на локтях.

Присмотрелся Жаворонок, а это вовсе не локти, а сложенные крылья. Повернулся комок боком – сзади у него цепкие звериные лапки и хвост, а между хвостом и лапками кожа натянута.

– Вот чудеса! – сказал Жаворонок. – Кажется, крылатая тварь, как и я, а на земле узнать её никак не могу.

– Ага! – обрадовалась Медянка. – Не можешь узнать. Хвастался, что под луной всех знаешь, а Летучей-то Мыши и не узнал.

Тут Летучая Мышь вскарабкалась на кочку, расправила крылья и улетела к себе на дерево.

А уж из-под земли другие ноги лезут.

Страшные лапы: короткие, мохнатые, на пальцах тупые когти, жёсткие ладошки в разные стороны вывернуты.

Затрепетал Жаворонок, а Медянка говорит:

– Лежу, гляжу и смекаю: лапы в шерсти – значит, звериные, короткие, как обрубки, и ладошками врозь, а на толстых пальцах когтищи здоровые. На таких ногах по земле шагать трудно. А вот под землёй жить, землю лапами рыть да назад её за собой отбрасывать – очень даже удобно. Вот вышло у меня: подземный зверь. Крот называется. Гляди, гляди, а то он сейчас опять под землю уйдёт.

Зарылся Крот в землю – и опять нет никого.

Не успел Жаворонок в себя прийти, глядь: бегут по земле руки.

– Это что за акробат? – удивился жаворонок. – Зачем ему четыре руки?

– А по веткам в лесу прыгать, – сказала Медянка. – Ведь это же Белка-векша.

– Ну, – говорит Жаворонок, твоя взяла: никого я на земле не узнал. Дай-ка теперь я тебе загадку загадаю.

– Загадывай, – говорит Медянка.

– Видишь в небе тёмную точку?

– Вижу, – говорит Медянка.

– Отгадай, какие у неё ноги?

– Да ты шутишь! – говорит Медянка. – Где ж мне так высоко ноги разглядеть?

– Какие тут шутки! – рассердился Жаворонок. – Уноси свой хвост подобру-поздорову, пока не сгребли тебя эти когтистые лапы.

Кивнул Медянке на прощанье, вскочил на лапки и улетел.

МИШКА-БАШКА

Из прибрежных кустов высунулась толстая звериная башка, в лохматой шерсти блеснули зелёные глазки.

– Медведь! Медведь идёт! – закричали перепуганные ласточки-береговушки, стремительно проносясь над рекой.

Но они ошиблись: это был всего только медвежонок. Ещё прошлым летом он вприскок бегал за матерью-медведихой, а этой весной стал жить сам по себе, своим умом: решил, что он уже большой. Но стоило ему только выйти из кустов, – и всем стало видно, что большая у него только голова – толстая, лохматая медвежья башка, а сам-то он ещё маленький – с новорождённого телёнка – да смешной: на коротких косолапых лапах, хвостиком куцей.

В этот знойный летний день в лесу было душно, парно. Он и вышел на бережок: тут так приятно обдувал свежий ветер.

Мишка уселся на травке, сложил короткие передние лапы на круглом брюшке. Человечком сидел, степенно поглядывал по сторонам.

Но не надолго хватило у него степенности: он увидел под собой весёлую быструю речку, перекувырнулся через

голову и на собственных салазках ловко съехал с крутого бережка. Там стал на четвереньки – и давай лакать прохладную воду. Напился всласть и вразвалочку, не спеша, закосолапил вдоль берега. А зелёные глазёнки так и сверкают из шерсти: где бы чего напроказить?

Чем дальше он подвигался, тем выше и круче становился берег. Все громче и тревожнее кричали над ним ласточки. Некоторые из них проносились мимо самого его носа с такой быстротой, что он не успевал разглядеть их – кто такие? – и только слышал жужжание их крылышек.

«Ишь их тут сколько! – подумал Мишка, останавливаясь и глядя вверх. – Что пчёл у дупла».

И сразу вспомнил, как прошлым летом мать-медведиха привела его с сестрёнкой к пчелиному дуплу. Дупло было не очень высоко, и медвежата почуяли чудесный медовый запах. Вперегонки полезли на дерево. Мишка первый долез и запустил в дупло лапу. А пчёлы как загудят, как накинутся на них! Сестрёнка завизжала и кубарем вниз. А он отведал-таки душистого сладкого мёду. И опять засунул в дупло лапу и опять облизал её. Но тут одна пчёлка больно ужалила его под глаз, а другая – в самый нос. Он, конечно, не заревел, но очень быстро скатился с дерева. Пчёлки хоть совсем махонькие, а сердитые; пришлось удирать подальше в лес. А сестрёнка ещё долго хныкала: ей так и не удалось попробовать мёду.

Сейчас Мишка с опаской поглядывал на стаю береговушек: он первый раз их видел и не совсем был уверен, птицы ли они? А вдруг они такие большие пчёлы?

Ну, так и есть: вон и дупла их – множество чёрных дырок под самым обрывом! То и дело вылетают из них все новые береговушки и с криком присоединяются к стае. А что

кричат, — непонятно. Мишка их языка не знал. Понимал только, что сердятся.

А ну как возьмут в работу да начнут жалить?! Ой-ой!

А дырок-то, дырок в берегу сколько? И в каждой, наверно, полно мёду. Интересно, такой же ли он сладкий, как у тех маленьких лесных пчёлок?

Под самой кручей стоял почерневший от старости ольховый пенёк. Недолго думая, Мишка вскарабкался на него. Да нет, – где там достать!

Мишка спустился и полез вверх по круче. Ласточки всей стаей закружились над ним и прямо оглушили его своим криком. Ну да пусть: лишь бы не жалили!

Ни одна не ужалила, – и Мишка стал карабкаться в гору храбрее.

А гора песчаная. Мишка старается, лезет, – а песок под ним осыпается. Мишка сильнее нажимает, – песок скорее осыпается. Мишка ворчит, сердится! Наддал со всей силы. Глядь, – что такое? – вся круча поехала! И он с ней едет, едет – и приехал как раз на то же место, откуда полез в гору...

Сел Мишка и думает: «Как же теперь быть? Этак ввек никуда не влезешь».

Ну да ведь Мишка – башка: живо придумал, как горю пособить. Вскочил – да назад по речке, – откуда пришёл. Там без труда забрался по траве на невысокий берег и опять сюда, к обрыву.

Лёг на брюхо, заглянул вниз: тут они – ласточкины дупла, – прямо под ним! Только лапу протянуть.

Лапу протянул, – нет, не достать!..

А ласточки над ним вьются, пищат, жужжат! Надо скорее.

Посунулся осторожно ещё вперёд, обе лапы тянет, – вот уж, было, совсем достал, да – кувырк!

Ах ты, глупая ты, толстая, тяжёлая медвежья башка! Ну, куда такую башку годовалому медвежонку? Ведь перевесила...

Летит Мишка под кручу, через голову кувыркается, —
только пыль столбом!

Летит вниз, — сам себя не помнит, — да всё шибче,
шибче...

Вдруг — раз! — его кто-то по лбу.

И стоп: прикатил Мишка, — сидит.

Сидит качается: очень здорово его по лбу треснули. Чи-
хает сидит: в нос песку набилось.

Одной лапой шишку трёт на лбу: большущая шишка на лбу выскочила! Другой лапой глазёнки протирает: полны глаза песку да пыли.

Ничего толком перед собой не видит. Только будто маячит перед ним кто-то высокий, чёрный...

– А-а-а, так это ты меня по лбу! – Мишка взревел. – Я ж тебя!.. Р-р-разор-рву!

Пал на четвереньки, встал на дыбы – лапы над головой, – да р-раз! – со всей силы чёрному в грудь.

Тот с ног. И Мишка не удержался: за ним следом. Да оба, обнявшись, – бутлых в воду!

А под обрывом омут-то глубокий...

Ушёл Мишка в воду весь – и с головой.

Ну, ничего: всплыл всё-таки.

Лапами заработал, чёрного от себя оттолкнул: чёрный тоже всплыл. Мишка кое-как лягушкой, лягушкой, до того берега вплавь.

Выскочил на берег – и без оглядки, полным ходом мамах – в лес!

Береговушки за ним тучей мчатся. Кричат:

– Грабитель! Разоритель! Прогнали, прогнали!

Мишке и оглянуться некогда, вдруг там за ним ещё тот – чёрный – гонится?

А чёрный в отmute плавает: это пень. Высокий, почерневший от старости ольховый пень.

Никто Мишку по лбу не стучал: сам Мишка на пень налетел, лбом об него стукнулся, как с кручи-то летел.

Башка-то у Мишки башка, а сам ещё маленький. Многому ещё учиться надо без мамы.

Хорошо, что такая крепкая башка.

СОВА

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт – молоком белит. Летит мимо Сова.

– Здорово, – говорит, – друг!

А Старик ей:

– Ты, Сова, – отчаянная голова, уши торчком, нос крючком, ты от солнца хоронишься, людей сторонисься, – какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

– Ладно же, – говорит, – старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, – сам лови.

А Старик:

– Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

– Погляди-ка, кума, не летит ли Сова – отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

– Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худо не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

– А пускай идут, – говорит Старик. – Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

– А пускай летят, – говорит Старик. – Что от них толку: ни мёду, ни воску, – волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок переносить.

– И ветер разнесёт, – говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, – не родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, – трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; пойло лижет, а молоко все жиже да жиже.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придёшь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощает. Молока у коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить, – пошёл Старик Сове кланяться:

– Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

– То-то, – говорит, – старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаясь.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить – Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

УМНАЯ ГОЛОВА

– Чудачка, – шипел Дикий Селезень на Дикую Уточку. – Что ты всё здесь, в болоте, прячешься? И не заметишь, как охотник к тебе подкрадётся.

– Та-ак, та-ак! – согласилась дикая Уточка. – Опасно... А куда деваться?

– Смотри, – сказал Дикий Селезень, – вон там, у берега озера, плавают четыре утки. Летим к ним, – и там с ними будем в полной безопасности. Уж это – как дважды два четыре.

– Ка-ак? Ка-ак? – спросила Дикая Уточка. Она не знала арифметики.

– Да так, – сказал Дикий Селезень, – очень просто. Четыре утки да мы двое – всего нас будет шесть уток. У каждой утки по два зорких глаза. У шести уток – шесть на два – двенадцать зорких глаз. А у нас с тобой только – дважды два – четыре. Двенадцать разделить на четыре будет три.

В три раза, значит, безопаснее нам с теми четырьмя утками на озере, чем одним на болоте. Это уже точно арифметически.

– Та-ак, та-ак! – согласилась Дикая Уточка. – Только что-то не нравятся мне эти утки. Почему они не кувыркаются в воду вниз головой, почему хвостиков не кажут над водой?

– Чепуха какая! – рассердился Дикий Селезень. – Не обязаны они всё время кувыркаться! А разве ты не видишь, что каждая из них, как и полагается в нашей породе, с носка плоска? Разве у каждой голова, хвост, крылья не точь-в-точь такие, как у нас с тобой, и не такого же цвета? Все признаки налицо, а ты...

– Та-ак, та-ак! – соглашалась Дикая Уточка. – Вижу-то вижу, а только что-то боязно мне, только что-то кажется мне, будто эти утки... какие-то не такие.

– А какие же?

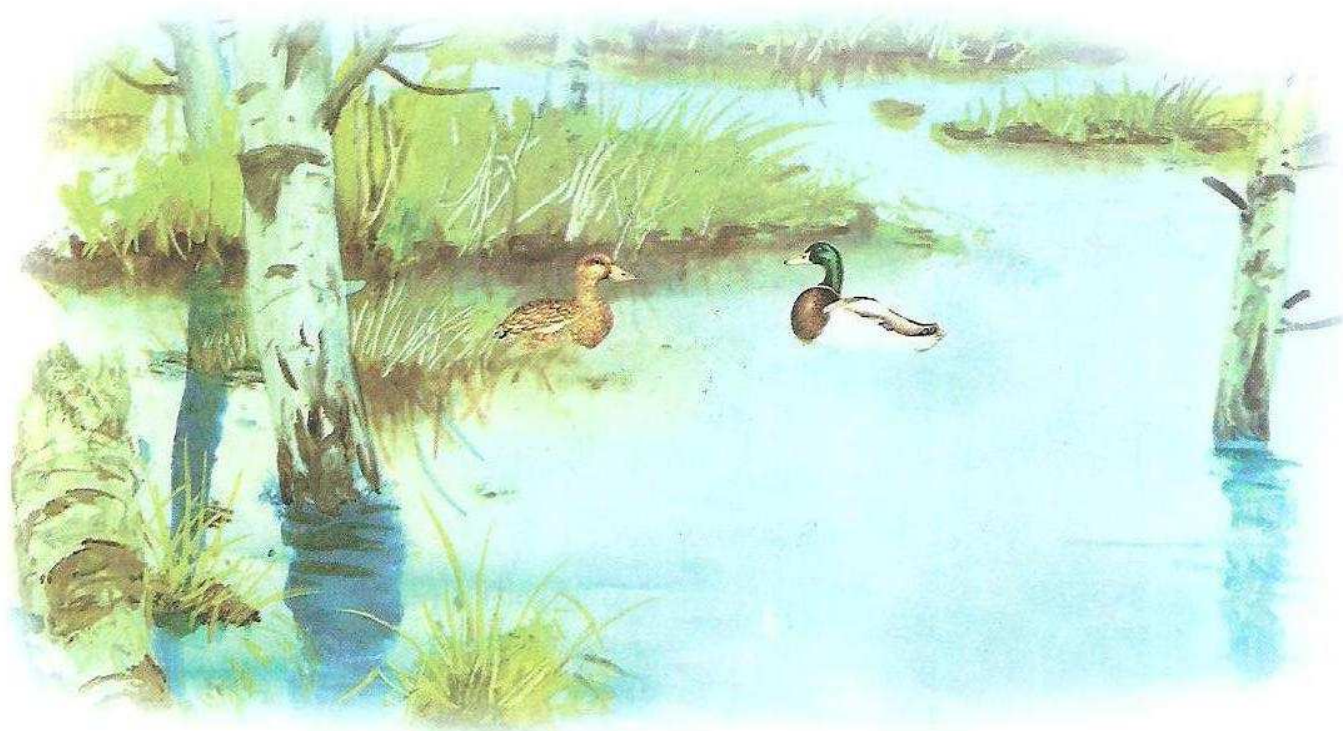
– Да... афирметические!

– Ну, знаешь! – возмутился Дикий Селезень. – Не желаешь, как желаешь, – и сиди одна в своём болоте, пока охотник не пришёл. А я полетел.

– Зря, зря, зря! – закричала ему вслед Дикая Уточка.

Но Дикий Селезень уже перелетел на озеро и с плеском подсел к четырём деревянным уткам-чучелам, мёртво покачивавшимся на волнах. Прятавшийся в кустах охотник выстрелил, – и голова Дикого Селезня упала в воду.

– Та-ак, та-ак, та-ак! – грустно закрикала Дикая Уточка; она отлично всё видела из своего болота и ещё глубже запряталась в кочки. – Зря ты, Дикий Селезень, погиб, зря, зря! Умная была голова, а глупышу дана.

СОДЕРЖАНИЕ

Заяц, Косач, Медведь и Дед Мороз	3
Заяц, Косач, Медведь и Весна	8
Первая охота	14
Лесные домишки	20
Теремок	34
Чьи это ноги?	42
Мишка-башка	48
Сова	55
Умная голова	60

Литературно-художественное издание

Серия «Колобок»

Для младшего школьного возраста

Виталий Валентинович Бианки

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Сказки

Ответственный редактор Т. А. Комзалова

Дизайн обложки Е. Г. Власовой

Технический редактор Н. С. Малышева

Корректор Г. В. Петрова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.03.2005.
Формат 70х90¹/16. Бумага офсетная. Гарнитура «FranklinGothicBookC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Тираж 5000 экз. Заказ 1206.

«РУСИЧ». Лицензия ИД №04277 от 15.03.2001
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7
E-mail: rusich@keytown.com – редакция,
E-mail: salerus@keytown.com – отдел реализации
www.russitch-books.narod.ru

При участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.2004.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
Республиканское унитарное предприятие
«Минская фабрика цветной печати».
220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

Заяц, Косач, Медведь
и Дед Мороз

Заяц, Косач, Медведь
и Весна

Первая охота

Лесные домишки

Теремок

Чьи это ноги?

Мишка-башка

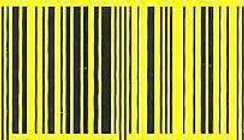

Сова

Умная голова

ISBN 5-8138-0672-5

9 785813 806728